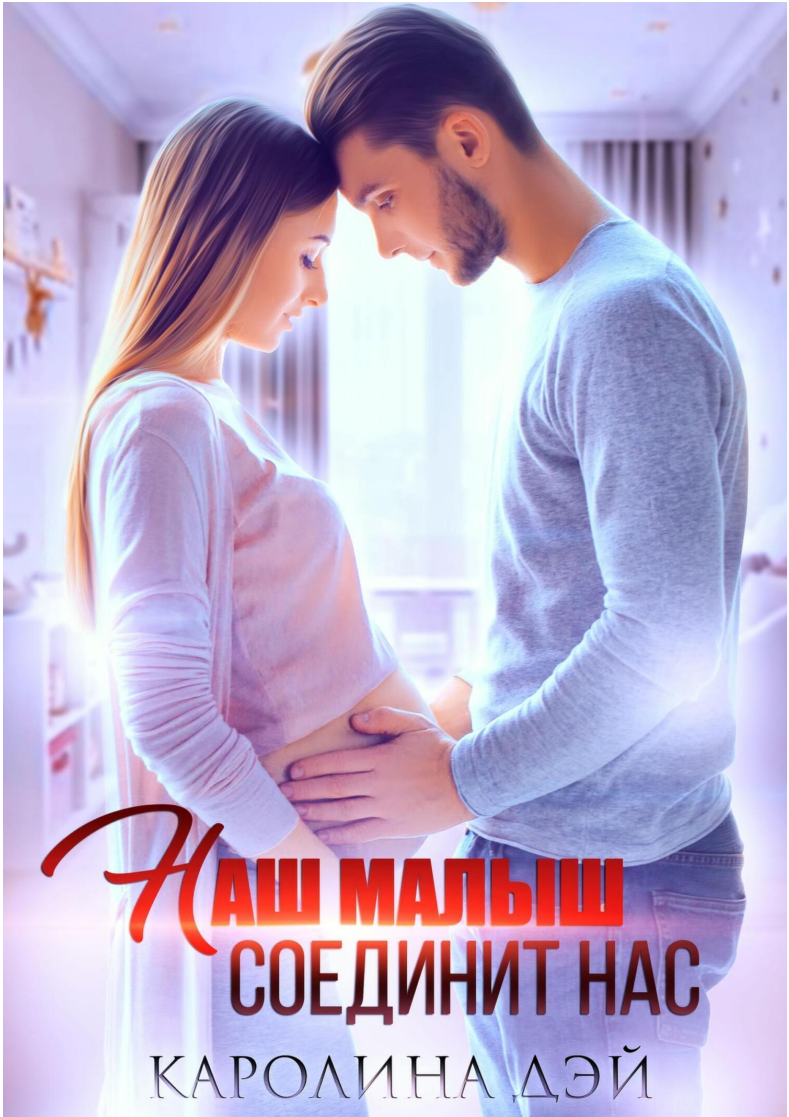
Наш малыш
соединит нас
Каролина Дэй

Каролина Дэй
Наш малыш соединит нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67701569
SelfPub; 2023

Аннотация

Пару лет назад я совершила ошибку – влюбилась в сводного брата. Итог – беременность и страшный диагноз для малыша. И Дан единственный, кто сможет спасти нас от смерти. Но какие последствия нас ожидают, если все узнают о нашей запретной любви?

Содержание

Пролог 4
Глава 1. В первый раз 10
Глава 2. Дан 25
Глава 3. Позорники семьи 31
Глава 4. Наказание 42
Глава 5. Другой он 50
Глава 6. Свадьба 61
Глава 7. Дан 66
Глава 8. Откровение 73
Глава 9. Перемены 81
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Каролина Дэй
Наш малыш соединит нас

Пролог

– Я скучала… – шепчу скороговоркой в любимые губы.

Он не отвечает, молча накрывает мои губы своими – полными, с легким запахом табака и мускуса. Впервые я ощутила эту дурманящую смесь полгода назад, когда Дан пришел в мою комнату и закрыл дверь на ключ, позабыв о моральных ценностях и о сне. В тот роковой день моя жизнь разделилась на До и После.

До – обычная двадцатилетняя девчонка с мечтами о светлом будущем. После – опасающаяся за каждый свой шаг, жест, слово, но дико влюбленная в единственного мужчину. Никто не должен узнать о запретной любви к собственному сводному брату. Ни родители, ни знакомые. Никто не должен узнать о маленьком секрете, кроме Дана.

Вскоре я расскажу ему все…

Дрожу в его руках, одергиваю его, когда слышу шорох за дверью, но Дан быстро переводит все внимание на себя, затягивая меня в омут порочной любви. Всегда боюсь, что нас вот-вот застукают, но он успокаивает меня мягким шепотом на ушко:

– Доверься мне, Эльза…

Когда чувства настолько обнажены, мы не замечаем ничего вокруг. Для меня существует лишь он – человек, вокруг которого крутится весь мир. Эмоции съедают, бросают в бездну, из которой нет выхода. Но он не нужен – ведь рядом тот, чьи чувства взаимны, насколько бы запретными и неправильными они не считались.

Ощущение, что мы не виделись вечность. У меня накопилось столько новостей, мне так много хочется ему сказать! Во многом признаться. Я бы…

Позже, все позже…

– Что здесь происходит?

Наше уединение прерывает резкий щелчок выключателя и громкий стук двери о стену. Моя комната наполняется ярким светом, ослепляя и выставляя напоказ меня в объятьях любимого сводного брата, которого не хочется отпускать даже под пристальным взглядом наших родителей. Дан небрежно поправляет футболку, облегающую атлетическое тело, а я стягиваю вниз подол платья, не смея взглянуть на маму. Так легко попасться. В моей комнате. В поздний час, когда родителей не должно быть дома.

– Может, ты, Даниил, объяснишь, в чем дело? – грозный голос отчима заставляет застыть на месте. Мне было бы комфортнее, если бы я ощутила поддержку Дана, но он стоит далеко от меня и бесстрашно глядит на своего отца. – Ты забыл о нашем уговоре?

О каком уговоре? О чем он говорит?

– Нет, не забыл, – серьезно произносит Дан. – Это просто ошибка.

Вряд ли он замечает, как замирает мое сердце после этих слов и больше не желает биться. Знаю, Дан специально говорит так, чтобы защитить нас. Защитить меня… Сердце радостно отстукивает в груди. Тук-тук. Тук-тук. Он заботится обо мне. Он любит меня.

Наши чувства всегда будут взаимны.

– Хорошо, что ты осознал это, – со сталью в голосе заявляет его отец. – Завтра у нас вечеринка в честь помолвки. Твоей невесте не стоит знать об “ошибке”.

Невесте?

Отчим окидывает меня презрительным взглядом, словно рядом с его сыном стоит мусорный пакет, а не падчерица, и покидает комнату. Вслед за ним, отсканировав меня стальными глазами, выходит мама.

Слова отчима проникают в самую грудь, добираются до сердца и разбивают его на тысячу осколков. О какой невесте говорил Григорий Викторович? О той стерве, которую Дан бросил полгода назад? Если о ней, то почему Дан молчит?

– Не смотри на меня так, – Дан первым нарушает тишину, когда сердитые родители оставляют нас наедине, не закрыв дверь моей комнаты.

– Как мне еще на тебя смотреть?

Ярость вскипает внутри меня вперемешку с горечью.

Смотрю в спокойные глаза самого дорогого человека на свете. Они теряют зеленый оттенок, становятся чисто серыми. Ледяными. Они заставляют меня дрожать от страха и неизвестности. От отчуждения и холода, которыми в один миг наполняется моя комната.

– Ты знала, на что шла. Наша интрижка не могла длиться вечно.

– Интрижка? – мой голос поднимается выше на пару тонов. – Так ты называешь нашу любовь?

– Мы – одна семья, Эльза. У нас нет будущего, и не будет. В следующем месяце я женюсь, а ты продолжишь учиться. На этом все.

В горле появляется комок, который невозможно проглотить. На глазах собирается влага, грудь простреливает несколькими невидимыми пулями, ранящими мое сердце. Я не хочу плакать при нем, но слезы сами скатываются по щекам, оставляя извилистые дорожки.

– Не реви, это лишнее. Жду тебя завтра на помолвке. Надеюсь, ты порадуешься за нас.

Я никогда не порадуюсь за тебя, братец. Я никогда не посмотрю ни на тебя, ни на твою невесту в восхищении. Ты согрел, зацепил, привязал к себе, а затем сломал. Только что ты оставил от меня острые осколки, которые будут наносить окружающим колющие удары.

Ты был всем для меня, пока однажды не стал абсолютно чужим.

Дан разворачивается, чтобы покинуть мою комнату. Вот и все. Это последняя встреча, день, который должен был стать самым счастливым в моей жизни. В нашей. Потому что…

– Стой! – рывком хватаю его за руку и заставляю остановиться. Если не признаюсь сейчас, то будет поздно. Он должен знать о нашем м…

– Не стоит. Давай просто выкинем из головы все, что между нами произошло.

Дан резко отдергивает руку и быстрым шагом выходит из комнаты. Он оставляет меня одну. Навсегда. Плевать, что мы живем в нескольких метрах друг от друга, сейчас он все равно чужой.

Я не успела ему сказать о нашем ребенке, которого ношу под сердцем…

Не знаю, сколько плачу, заглушая всхлипы подушкой. Вокруг сплошная тьма, наполненная болью и разочарованием. Когда мама входит в комнату с чемоданом в руках, слезы не перестают литься из глаз. Я едва различаю в полутьме женщину, которая меня родила. Смотрю на нее удивленно. Идеальное лицо, как всегда, непроницаемо, не могу прочитать эмоции даже не из-за плохого зрения и слез, а потому что их нет.

– Ты уезжаешь отсюда!

– Куда? – испуганно спрашиваю я.

– Далеко! Ты не опозоришь нашу семью!

Это и есть конец? Я остаюсь одна, с ребенком в животе,

без поддержки родителей…

Что мне делать дальше?

Глава 1. В первый раз

Несколько месяцев назад

– Эльза, ты готова? Ты… Что с твоим лицом? – мама окидывает меня недовольным взглядом.

– Нанесла автозагар по твоей рекомендации, – вздыхаю я, взглянув на свое отражение. Кожа выглядит странно: местами загорело, местами нормально, а местами осталась такой же белой, с какой я родилась.

В общем, леопард во всей красе, именно так можно охарактеризовать мой первый опыт с автозагаром. Обычно я спасалась тональными кремами, но мама настояла на этом способе маскировки моей бледности.

– Почему ты мне не позвонила? Как я покажу тебя Гришеньке?

– Извини…

– Черт с тобой! Поехали, по дороге замаскирую тоном. Мы и так опаздываем.

Да, альбиносам в этом плане тяжело. Кожа белая, волосы белые, глаза красноватые, губы бледные, ну и все остальное. Солнце противопоказано из-за отсутствия меланина, губы приходится постоянно подкрашивать тинтом, а ресницы и брови – тушью. Только в этом случае я чувствую себя человеком, а не маленьким монстром.

Это “замаскирую” длится около получаса, пока Толя отвозит нас к будущему дому. Мои вещи перевезли еще утром, сейчас едем и мы с мамой. Она – с работы, а я – с учебы. Когда мы оставляли нашу красивую квартиру с панорамным видом на город, сердце чуть кольнуло. Не хотелось покидать этот уголок, хоть и жили мы там всего год, но маму не переубедить.

Мама вообще женщина стойкая, стальная. Целый год владеет собственным делом, бизнес-леди, как-никак. И у такой красивой и шикарной женщины рано или поздно должен был появиться мужчина. Такой же богатый и статный. Сейчас мы как раз переезжаем в его дом на западе Москвы, и я впервые увижу маминого избранника. Она не показывала фотографию, просто бросила вскользь имя и велела посмотреть в интернете, но я толком не услышала, как звали того человека.

– Эльза, ты меня слышишь? – мама щелкает пальцами перед моими глазами.

– Что?

– Ну вот! Опять ты меня прослушала! – возмущается она. – Сколько раз тебе можно говорить? В доме веди себя скромно! Не витай в облаках, не парируй, не вмешивайся в разговоры! И не говори…

– Я помню, мам, – улыбаюсь самой родной на свете женщине. В глубине души я рада, что мама нашла мужчину мечты после смерти папы восемнадцать лет назад. Однако я не

нахожу в ее глазах трепета или счастья. Может, мне кажется?

– Выходи, мы приехали.

– Иди, я тебя догоню.

– Только не трогай тон и тушь не смывай! Этот вечер должен пройти идеально, не порть его своими выходками! – наставляет мама и покидает салон.

Мама ошиблась, я не стану поправлять ее «макияжное творение». Мне просто нужно собраться, надеть солнцезащитные очки, чтобы глаза не слепило, пару раз выдохнуть. Перемены всегда даются с трудом, особенно, когда на горизонте появляются незнакомые люди.

– Толь? – обращаюсь к нашему водителю. Мужчина переводит взгляд карих глаз на зеркало заднего вида и встречается с моим. – Все настолько серьезно?

– Твоя жизнь улучшится, поверь мне, – произносит мужчина, устало вздохнув.

– Ты же знаешь, я не люблю перемены.

– Любые перемены идут на пользу, помни об этом, – мужчина растягивает тонкие, как ниточка, губы в обаятельной улыбке. Люблю, когда меня возит Толя. Это бывает редко, потому что он работает с мамой, но мы всегда находим общий язык. Он понимает меня. Почему? Не знаю.

Когда выхожу из внедорожника, первым делом окидываю взглядом территорию. Она достаточно большая. Красивые дорожки, ведущие к дому, аккуратно подстриженные кустики. Сам дом кажется огромным замком. Однако стоит зайти

в дом, и мне сразу же хочется выйти.

Внутри слишком светло, от белого цвета немного слепит глаза, когда я снимаю очки. В нашей квартире тоже светлые комнаты, но моя окрашена в темные тона, чтобы глаза не сильно напрягались.

– Милая, наконец-то ты пришла! – восклицает мама и подходит ко мне. Чмокает в обе щечки, приобнимает, улыбается так, будто мы не виделись несколько дней. Зачем проявлять эту неестественную заботу? Ответ стоит позади маминой стройной фигуры в ярко-красном платье.

Высокий брюнет с едва заметной сединой на висках окидывает меня внимательным взглядом стальных глаз. Внезапно меня пробирает до самых костей: взгляд слишком придирчивый, будто меня обыскивают с металлоискателем. Я уже говорила, что не люблю перемены, особенно, когда так явно дают понять, что не рады тебе.

– Гриша, познакомься, это моя Эльза, – весело тараторит мама. Мне кажется или ее голос дрожит? Мамин голос дрожит? Точно глюки!

– Добро пожаловать, – произносит стальной голос. – Меня зовут Григорий Викторович. Марта рассказала тебе правила проживания в нашем доме. Надеюсь, ты будешь их соблюдать неукоснительно.

– Х-хорошо.

Кажется, я понимаю, почему мама вздрагивает: его тон кажется пугающим. Странное поведение при знакомстве с бу-

дущей падчерицей, не находите?

– Пройдем в столовую.

Здесь еще столовая есть? Хотя о чем я спрашиваю? Во дворце, наверное, есть все.

– Данечка к нам не присоединится?

– Он обещал выйти чуть позже.

Впервые за долгое время вижу улыбку на маминых губах и тепло в глазах. В последний год она много работала и редко появлялась дома. Иногда новости о ней я узнавала из интернета. Открытие нового офиса в Москве, разработка программы для филиала в Берлине и Токио. И все это за один год.

Нам мало удается побыть вместе из-за занятости на работе. Знаю, что мама любит меня и желает лучшего, иначе вряд ли она пошла бы на такой ответственный шаг, как свадьба и переезд, не подумав обо мне. Но почему-то я ощущаю дискомфорт, находясь в этом доме.

Может, потому что мама никогда не смотрела на меня с таким теплом, как на этого мужчину?

– Эльза, ты слышишь нас?

– Что?

– Милая, не витай в облаках, – ласково, но с легким нажимом просит мама. – Как прошел день в университете?

– Как обычно, ничего особенного.

Не буду же я рассказывать, что парни из моей группы развесили по всей территории университета мою фотографию

без макияжа с припиской: «Это чудище опасно и заразно! Бегите!». Дураки. Я привыкла к всеобщему вниманию.

– Ты уже готовишься к экзаменам? – интересуется Григорий Викторович. От звуков его голоса становится не по себе, а от пристального взгляда, скользящего по лицу, хочется встать и уйти. Но я терплю. Ради мамы.

– В октябре никто не принимает экзамены, – вежливо отвечаю мужчине. Тот никак не реагирует на мои слова и продолжает:

– Ты не сдаешь сессию экстерном?

– В этом нет никакой необходимости.

Кажется, запас моей вежливости скоро закончится, но вряд ли я скажу и слово против. Не умею противостоять или спорить, говорю так, как есть, – правдиво и максимально корректно. Вряд ли эта черта характера передалась мне с диагнозом.

– Даня всегда закрывал предметы раньше и приезжал домой, – довольно произносит Григорий Викторович. – Я думал, у тебя так же.

– Эльза очень хорошо учится. Поступила сама на бюджет, без моих связей сдала первую сессию, но… Милая, подумай о досрочной сдаче в этом семестре, хорошо?

Если бы я была буйным подростком, я бы вскочила со стула, накричала на маму с будущим «папочкой» и высказала свое мнение. Но мне уже девятнадцать. Гормоны поутихли, возражать смысла не вижу. Так будет лучше для меня. Ма-

ма никогда не делала ничего мне во вред, а слова Григория Викторовича…

«Мама никогда не делала ничего мне во вред», – повторяю про себя, и вторая «я» тут же перестает сопротивляться.

– Прощу прощения за опоздание, – произносит бархатистый голос справа от меня и заставляет замереть на месте, покрываясь мурашками от волнения.

Вы когда-нибудь ощущали, что у вас замирает сердце в буквальном смысле? Когда оно резко останавливается, а затем заводится с двойной скоростью, словно вы пережили секундную клиническую смерть? Я – нет. Всегда думала, что это бредни из области фантастики.

Но сейчас я ощутила резкое торможение и ускорение за считанные секунды, стоило только встретиться с внимательными зелеными глазами…

– Данечка! – мама радостно поднимается и обнимает «Данечку», целуя в обе щеки. Снова ощущаю ее слишком теплое отношение к мужчинам из этой семьи, и оно неприятно сдавливает грудь.

– Добрый вечер, Марта.

Тон парня кажется вежливым, но я улавливаю боковым зрением, как слегка кривится его лицо, а руки не обнимаю маму в ответ.

– Папа, – он подходит к Григорию Викторовичу и пожимает ему руку.

– Присаживайся.

И он садится прямо напротив меня, что заставляет напрячься еще больше. Чтобы вы понимали: во главе стола сидит его отец, по правую руку – моя мама, я – рядом с ней. Вместо того чтобы сесть по левую руку от своего отца, «Данечка» располагается напротив меня, на одно место дальше от Григория Викторовича. Может, здесь такие правила?

Лучше бы он сел рядом с отцом: пристальный взгляд напротив пробуждает нездоровую дрожь в конечностях.

Кажется, у меня руки начинают потеть, а сердце никак не желает успокоиться. Почему он глядит на меня? Любопытство? У меня нет сил рассматривать, какого оттенка его темные волосы, оценить ширину его мужественных плеч. Если бы волнение не накрыло меня, я бы снова посмотрела в его глаза и обвела бы взглядом контур полных губ – это единственное, что мне удалось ухватить за короткие мгновения.

– Предлагаю выпить, – Григорий Викторович прерывает затянувшуюся тишину.

– Разве есть повод? – раздается бархатистый голос.

– Воссоединение семьи – всегда повод.

– Воссоединение? Ты серьезно? Может, мы еще будем…

– Ты прав, Гриш, давайте выпьем, – встревает мама и подносит свой бокал к бокалу будущего мужа. «Родители» перебрасываются обеспокоенными взглядами. Григорий Викторович на мгновение расслабляет каменное лицо. Замечаю на лбу вздувшуюся венку, а левая рука, которая лежит на столе, сжимается в кулак, затем разжимается.

Прожигающие взгляды мужской половины, мамины нервные смешки и натянутая улыбка, которую она порой не в силах держать, мои дрожащие руки и чересчур напряженное лицо «Гришеньки». Атмосфера вокруг нас слишком накаленная, ощущаю это своей сверхчувствительной кожей даже под автозагаром.

Мы не чокаемся, как это принято, просто приподнимаем бокалы и выпиваем. Напиток игристый, чересчур сладкий. Мне хватает маленького глотка, чтобы больше никогда не пробовать это.

– Как прошел твой день, Даниил? – подает голос глава семьи.

– Отлично. В следующем месяце матч, готовлюсь, – расслабленно отвечает его сын.

– Ты заполнил бумаги?

– Нет, и не собираюсь.

– Даниил! Я просил…

– Я уже говорил, что у меня чемпионат, – голос парня внезапно становится жестче. – У меня не хватит времени и на футбол, и на твою фирму.

– Должно хватать, ты наш наследник.

– Отдайте моей «сестренке». Чем вам не наследница?

– Даня! – повышает тон Григорий Викторович. – Твое увлечение футболом длится слишком долго, нужно правильно расставлять приоритеты.

– Мне двадцать пять, пап, и я уже пять лет защищаю честь

нашей страны. Ты опоздал.

Отец ничего не говорит в ответ сыну, а я чувствую себя лишней. Ощущение, будто я проникла на чужую территорию без разрешения и нагло подслушиваю. Странно, что он вообще спорит с отцом. Я не спорила, просто поступила на юридический, как советовала мама, а она зарезервировала место в своей фирме.

Почему он не сделает так же? Родители хотят для нас лучшего…

– Что у тебя здесь? – парень показывает на участок над верхней губой. Прикладываю туда пальцы и понимаю страшную вещь: автозагар смывается вместе с тональным кремом.

– Эльза, немедленно приведи себя в порядок! – почти командным тоном произносит мама.

– Рита, проводи Эльзу в личную ванную комнату, – приказывает глава семьи.

У меня будет личная ванная? Ладно, это потом выясним. Главное, сбежать отсюда и не ловить на себе презрительно-насмешливые взгляды. Женщина средних лет ведет меня в общую прихожую и провожает на второй этаж почти в самый конец коридора.

– Ваша комната, – говорит безэмоционально и уходит прочь.

Только сейчас облегченно выдыхаю, ощущая, что грудь больше не сдавливает напряжение и неловкость. Но мне все равно немного некомфортно в чужих стенах, в чужих крас-

ках и чересчур светлой комнате. Она просторная, есть даже выход на балкон, но почти белая, как и весь интерьер. Причем настолько, что я, кажется, не буду расставаться с солнцезащитными очками. За белой дверью справа нахожу ту самую ванную из слепящего мрамора, и в отражении вижу…

Мамочки! Какой кошмар!

Автозагар пошел пятнами, испачкал рукав платья, которым я вытирала лицо по дороге. Мамины старания ушли впустую. Под длинными рукавами и колготками не виден белоснежный цвет кожи, а теперь я вся сливаюсь, смывая с себя остатки макияжа, тушь, тени. Вытираю лицо полотенцем и смотрю на свое отражение. Черт! Не могу видеть себя такую – абсолютно белую, как лист бумаги. Слишком бледная, неяркая. Белая ворона…

Как стыдно… Господи…

Они это видели?

Выхожу из ванной и… Боже! Что он здесь делает?

«Данечка» расположился на моей кровати как хозяин, развалившись на светлом покрывале. На нем все тот же костюм, только светлая рубашка, кажется, расстегнута на пару пуговиц.

– Надеюсь, ты не против. Я в своем доме, имею право заходить в любую комнату.

Ничего не отвечаю, отвожу глаза, снова ощущая напряжение, но в более тесном помещении. Не вижу, куда именно смотрит мой новоиспеченный братец, только чувствую лю-

бопытный взгляд на себе. Он не отводит его, пробегает по моему лицу, по платью, скрывающему белоснежную кожу.

– Папа приказал извиниться за тот спектакль. В общем… сорян. Не переживай, доставать не буду. Наверное.

М-да…

Мне радоваться или плакать? Как реагировать на появление в моей комнате и на эти слова? Сказать, как я счастлива, что услышала его извинения? Принять их? В его семье принято так извиняться?

– Я Дан.

– Отец тебя звал Даниилом.

– Меня. Зовут. Дан.

Не стоит так напористо втолковывать свое имя. Мне интересно, как тебя можно называть, если мне не нравится имя Дан: оно слишком грубое. А как же Даня? Данечка? Мама назвала тебя именно так, а ты… Ты никак не отреагировал на проявление нежности, чего от моей мамы дождаться было почти невозможно.

Не услышав от меня ответа, он подходит ближе. Теперь его видно гораздо лучше, он больше не расплывчатое черно-белое пятно. Неуверенно поднимаю лицо вверх и позволяю себе несколько секунд на рассматривание «братца». Он почти на голову выше меня. Красивые черты лица, чуть островатые. Ресницы длинные, черные. Моя мечта с детства, они всегда у меня были белыми как мел и короткими. Губы полные, чувственные, а глаза…

– Не засматривайся, детка, мы сводные брат и сестра, – усмехается он. Слегка трясу головой, прогоняя странное наваждение, возникшее между нами. Точнее, между мной и второй мной.

– Я знаю.

– Тогда зачем пялишься?

– Я никогда не видела таких красивых глаз.

Черт возьми, что я несу? Зачем говорю это вслух? Он посмеется надо мной, плюнет в душу и уйдет. Как там бывает обычно? Сводные брат и сестра не рады союзу родителей, и стараются напакостить друг другу, отравить ядом, который выплескивается разными способами. Только я искренне рада за свою маму, а он… Судя по его резкости в столовой, он вряд ли в восторге от двух женщин в его доме.

– Хм… Польщен. В столовой ты была загорелой, а сейчас…

– Я нормальная! – отвечаю резче, чем необходимо. – И кожа у меня нормальная.

– Да, вижу. Ты не сказала, как тебя зовут.

– Эльза… меня зовут Эльза.

Он вновь внимательно рассматривает меня. Мы стоим не слишком близко, но и не так далеко, чтобы не заметить особых черт. Наверное, я его недооценила, назвав парнем. Он мужчина. По крайней мере, в моем представлении.

– Эльза – холодное сердце? – приподнимает темную бровь.

– Почему ты так решил?

– Вы внешне очень похожи.

– Это комплимент? – усмехаюсь я. Сравнение с диснеевской принцессой для меня не ново, но чаще всего оно звучит в оскорбительном контексте, а не в позитивном.

– Я никому не делаю комплименты, слишком много чести.

Полные губы постепенно растягиваются в улыбке, обнажая ровную линию жемчужных зубов. Наверное, со временем у меня возникнет желание нарисовать ее в карандаше. Однако язвительность в бархатном голосе и горечь, оставшаяся после его слов, портят впечатление от внешней красоты.

Что я тебе сделала, Дан?

– В общем, я извинился. Ко мне в комнату не заходи, по всем вопросам обращайся к прислуге, матери или отцу, но не ко мне. Сделай вид, что меня не существует, а я не стану приставать к тебе.

После своей тирады «Дан» молча уходит из моей комнаты, превращаясь в расплывчатый силуэт вдалеке. Дверью не хлопает, аккуратно закрывает, оставляя меня наедине с напряжением в комнате. Вот и приветствие от сводного братца. Класс.

Как мне вернуться в столовую? Может, не стоит? Данечки там нет, и меня не будет. Не хочу больше позориться. В своей старой комнате я чувствовала безопасность и спокойствие, а здесь все сквозит напряжением.

Возможно, мне удастся немного порисовать. Здесь ведь

есть выход на балкон. На улице темно и холодно, но я люблю ночь: она не давит на глаза. А прохлада не обжигает кожу.

Глава 2. Дан

– Я предупреждал тебя, Даниил. Пора включаться в дело, – требовательно произносит отец своим стальным голосом. Он включает его только в двух случаях: когда играет роль строгого начальника и когда меня нужно отчитать. Сейчас эти ситуации совпали. Комбо.

– Что ты предлагаешь? Звонить тренеру и уволиться накануне чемпионата?

– Компания нуждается в хорошем специалисте. Или ты зря заканчивал университет в Лондоне?

Как же он любит попрекать меня образованием, а меня это дико бесит. Я вернулся пару лет назад, а он уже успел распланировать за меня всю мою жизнь. Как будто его винодельня не выстоит без меня. Только папа не учел, что в университете я играл за сборную команду и выбил себе билет в светлое будущее. В Лондоне меня не приняли ни в один клуб, а наши соотечественники рассмотрели мою кандидатуру. Теперь я нападающий и защищаю честь страны.

Неужели папа не понимает, как футбол важен для меня?

– Придется совмещать, у тебя нет выбора.

– Выбор есть всегда.

– Не веди себя, как буйный подросток. Тебе двадцать пять, – железные нотки отцовского голоса пробираются в каждый уголок просторного кабинета, но я стойко выдержи-

ваю напряжение и немигающий стальной взгляд, направленный на меня. – На прошлой неделе ты вел себя очень грубо с Мартой и Эльзой.

– Я не обязан быть вежливым с твоей любовницей.

– Даниил! – отец повышает голос. Не так сильно, чтобы стены затряслись, но и не слабо, чтобы заставить меня напрячься больше прежнего. – У нас свадьба в следующем месяце.

– Мне какое до этого дело? Я не стану радоваться вместе с вами.

– Значит, сделай вид, что радуешься! И…

– Григорий Викторович, я… Ой! Кажется, не вовремя.

– Заходи, Мариночка, – папа тут же растягивает плотно сжатые губы в улыбке и приветствует мою подружку поцелуем в щечку. – Ты за Даниилом?

– Да, мы в клуб собирались, – невинно хлопает глазками Марина, одергивая подол яркого платья. Короткое, едва прикрывает аппетитные формы. Чувствую, сегодня кто-то поможет мне снять стресс после тяжелой тренировки.

– Приятного отдыха.

Марина тянет меня к выходу, но напоследок замечаю на себе предупреждающий взгляд отца. И нет, он никак не связан с моей девушкой: она подходит по всем параметрам. Из обеспеченной семьи, красивая, умная, страстная. Мы встречаемся с тех пор, как я вернулся из Лондона. Отец устроил вечеринку в честь моего возвращения, Марина пришла с ро-

дителями, а точнее, с партнерами отца. Как вы понимаете, эту длинноногую красотку с темными волосами и эффектными красными губами я не пропустил.

Идеальная девушка. Появляется в нужный момент, поддерживает во всем и неплохо проводит со мной время. Чем не пассия?

Интересно, мама одобрила бы ее?

– Готов зажигать, Данюся?

А вот минус моей избранницы – дурацкие уменьшительно-ласкательные. Но это мелочь по сравнению с горой достоинств. Одного «Данюсю» я готов терпеть.

– Только недолго, завтра тренировка.

– Ну-у-у! Почему ты такой зануда?

Я не зануда, я просто ответственно подхожу к своей работе. Незаменимых людей нет, и я не хочу, чтобы вместо меня на поле вышел какой-то неандерталец, который ни разу мяч не вел.

В клубе шумно, как всегда. У нашего столика собрались все знакомые. Аркаша, Влад, Эдгар. Все мои друзья, которые имитируют дружбу. И я не виню их: связь с Даниилом Богатовым никогда не станет лишней, особенно, если его папа на пару с «мамочкой» владеет большим участком земли на юге страны и продолжает семейный бизнес по изготовлению вина. М-да. Как я упустил из виду эту женщину? За год Марта превратилась из любовницы в преуспевающую бизнес-леди. Еще эта белобрысая девчонка…

Если бы я не был уверен, что мы не родственники, подумал бы, что папа постарался на стороне, а теперь замаливает грехи. Интересно, она в курсе, кто ее мать? Зашуганная она какая-то, чересчур послушная. Скромно опускала свои голубые глаза, когда мы ужинали. Похожа на мультяшку. Но какая мне разница? Все равно скоро перееду в отдельную квартиру. Может, Марину с собой позову.

– Дан, ты слышишь? – дергает меня Влад. – Не хочешь за компанию? – протягивает бумажную трубочку.

– Нет, спасибо.

– Как скажешь, – ухмыляется он и затягивается. Здесь вроде запрещено курить, но в VIP-зоне можно все, что захочешь. Закон жизни: плати деньги и веди себя, как дома.

Никогда не думал, что мне будет скучно здесь. Но уже не в первый раз испытываю это чувство, когда прихожу в клуб. Сейчас Марина потащит меня в туалет, словно больше негде уединиться, а ребята подсунут горячительные коктейли. Давно не ходил по клубам, устал от них. Наверное, вырос. В университете мы классно отжигали с ребятами, но с тех пор, как в моей жизни появился профессиональный футбол и дорогостоящие контракты, я перестал получать кайф от посиделок в шумных местах. Надоело.

Но мои друзья готовы продлить студенческие годы.

– Поздравляю, Дан! – Влад поднимается с бокалом в руках, зачесывая пятерней светлые волосы назад. – Скоро твой отец женится.

– Разве это праздник? – хмыкаю я.

Лишнее напоминание о переменах в жизни неприятно отдается в груди. Надеюсь, моя квартира в скором времени будет готова. Остался всего лишь месяц до окончания ремонтных работ. Еще немного.

– Конечно! Мачеха, сестра. Кстати, познакомишь с…

– У тебя будет сестра? – Марина внезапно взметает брови наверх. – Ты мне не говорил!

– Сам недавно узнал, – отмахиваюсь я. Отчасти это правда, я не интересовался личной жизнью мачехи, а с другой стороны, не хотел лишний раз нервировать мою девушку. Порой она бывает слишком ревнива. – Давайте закроем тему, у меня матч на носу, между прочим.

– А ты готов к матчу, Богатов? Ты смотри, я на тебя десять тысяч баксов поставлю. Ты обязан выиграть! – ухмыляется парень пьяной улыбкой.

– Если проиграешь, деньги не верну, – кидаю в ответ.

– Вернешь.

– Нет.

– Ну ладно, перестаньте, – вмешивается Марина. – Мы все тебя поддерживаем, Данечка! Ты сыграешь матч, поедешь на свадьбу к родителям, а после мы съедемся и…

Так, тихо, спокойно, Дан. Ты сам знал, на что шел. Идеальных людей не бывает, сам об этом твердил всем вокруг, только… Я не планировал съезжаться с Мариной. Не сейчас.

Но когда?

Через пару лет я планировал сделать предложение, сыграть свадьбу и зажить счастливо где-нибудь в Лондоне. Марина согласилась бы не раздумывая, а я стал бы счастливым обладателем прекрасной женщины.

– Да, поддержим, и… Вы только посмотрите! – до этого спокойно сидящий Эдгар кивает в сторону. – Цыпочек не хотите?

Неохотно поворачиваюсь к бару и замечаю знакомую фигурку в красном платье. Тонкая, хрупкая, неуверенная. Молочная кожа светится на фоне платья, глаза растерянно глядят на гориллу, который едва стоит на ногах. И что здесь забыла моя новоиспеченная сестренка?

Глава 3. Позорники семьи

– Ты только посмотри, как все разжирели! – восклицает моя лучшая подруга, окидывая взглядом гостей в VIP-зале.

– Перестань, Ален, – едва слышно хмыкаю сквозь шум и биты клубной музыки. – Никто не разжирел, прошло всего два года.

– И что? Кто просил отращивать пузак, как у диванного аналитика с бутылкой горячительного?

Вопрос остается без ответа. Алена порой бывает чересчур категорична и слишком прямолинейна. Наверное, поэтому ее не любила половина класса. Но все же она решилась прийти на мини-встречу выпускников. Признаться честно, я не особо скучала, да и подруга тоже, но ей «захотелось поржать», как она выразилась недавно.

– Я принесу что-то покрепче. Тебе…

– На твой вкус, – улыбаюсь ей.

Виляя попой перед группой мужчин, Алена подходит к сверкающей в полумраке стойке и шепчет что-то бармену. Тот растягивает губы в улыбке, незаметно опускает глаза на декольте, затем снова поднимает. Там есть на что посмотреть, в отличие от меня.

Если честно, я не хотела сюда идти, но между новым «домом» и походом на встречу выпускников я выбрала второе. Почему? Все просто: диснеевский замок оказался золотой

клеткой для меня. Красивый дизайн, собственная ванная и гардеробная, но я не ощущаю тепло и уют. Мне приходится чаще ходить в солнцезащитных очках, чем без них: слишком много света.

Алена пинками привела меня к себе домой, одолжила шикарное красное платье и притащила сюда. Я люблю свою подругу, очень. Хотя бы за то, что она знает мои мысли наперед.

– Держи, подруга! – Аленка избавляет меня от ненужных воспоминаний и возвращает в беззаботную реальность.

– Это что? Игристое?

– Ну да! – она протягивает бокал с красной жидкостью, взмахнув рыжими локонами.

– Ты же знаешь, что я не люблю!

– Ой, перестань! Оно вкусное. Давай выпьем.

– За что?

– За прекрасный вечер. За переезд. За новую семью, – тараторит подруга. – Кстати, я посмотрела на твоего нового братика. А он красавчик. Познакомишь?

Если бы ты знала, подруга, насколько внешность бывает обманчива, то не просила бы меня свести вас. Знаю, о чем ты думаешь, потому что у меня в голове крутились те же мысли пару дней назад.

– Эльза! Не спи!

– Я тебя услышала, но знакомить не стану.

– Почему? Ты бы видела его профиль в соцсетях. Там та-

кие кубики. М-м-м…

– Он гад, Ален, и ведёт себя по-скотски.

– Не суди стереотипно, вы ещё поладите.

– Стереотипно? – выгибаю бровь, глядя на подругу.

– Ну, знаешь, как в сериалах бывает. Родители женятся, детишки ссорятся, а через пару месяцев бах – и влюбляются.

– Кто из нас судит стереотипно? – усмехаюсь я. Этот грубиян «Данечка» – и любовь? Нет! Это точно не про меня.

– Посмотрим.

Я думала, что вечер пройдёт хорошо, но расспросы подруги о «братике» и о новой жизни выбили меня из колеи. Об этой жизни лучше вообще не упоминать.

Если считать по десятибалльной шкале, как много стресса я испытала за одну неделю, то отвечу прямо. Десять. В вечер знакомства все только начиналось, правда я узнала об этом следующим утром, когда мама попросила меня не выходить из комнаты до восьми утра, пока Григорий Викторович и его сынок не уйдут из дома. Мне повезло, что занятия начинались в десять, а Толя – настоящий Шумахер на дороге и всегда привозит меня за минуту до начала пар.

К чему эти правила? Не знаю. Мама всегда говорит, что желает мне только лучшего, и я беспрекословно верю ей, никогда не спорю. За одним исключением, о котором до сих пор жалею.

– Тебе что, сложно посидеть часик наверху? Накрасилась бы к этому времени, в порядок себя привела! Зачем тебе зав-

тракать вместе с нами? – возмущается мама, уперев руки в бока. – Я не просто так тебя прошу, на это есть причины, и очень веские.

– Какие?

– Утром… утром слишком ярко в гостиной, это вредно для твоего зрения.

Почему тогда вчера ты не попросила сделать свет менее ярким, чтобы мои глаза не реагировали так сильно на него? И почему меня поселили в самой светлой комнате в доме? Может, потому что другие комнаты еще светлее, а ты не хочешь, чтобы я мучилась?

– Но дом большой. Может…

– Все, мне некогда разговаривать! Увидимся вечером, милая.

Больше на эту тему мы не общались. Через два дня я нашла альтернативу и приходила завтракать на террасу, пока солнце таилось за горизонтом, и если дождь не мучал пригород сильными осадками и холодом. И знаете, такое утро мне нравится больше всего. Красивый вид на задний двор, позади которого сплошной лес, свежий воздух, теплый плед греет лучше маминых объятий. Здесь хорошо рисовать, когда я не занята зубрежкой тем и выполнением курсовых работ.

К пятому дню мой более-менее устоявшийся баланс нарушается одним серо-зеленым взглядом. Даня. Мы сталкиваемся в коридоре на втором этаже, когда я спускаюсь в свое тайное место, а он, видимо, спешит на тренировку.

– Что, не спрятаться в своей конуре от меня? – усмехается он. Вновь подчеркиваю для себя красивую усмешку на полных губах, но быстро забываю о ней, когда натыкаюсь на презрение в глазах.

– Разве я должна прятаться?

– Ты всю неделю не выходишь с нами завтракать. Как это еще назвать?

Не выхожу, потому что меня попросила мама и объяснила почему. Но зачем я должна отчитываться перед тобой?

– Знаешь, ты все правильно делаешь, – снова подает голос «братец». – Рад, что ты правильно поняла мои слова. Так легче всем.

Именно тогда я осознала реальность, в которой живу пять дней. Дан словно снял с меня солнцезащитные очки и показал действительность такой, какая она есть. Мама, Григорий Викторович и Даня. И в их жизни нет меня. Странный вывод, в который не хочется верить. И я не верю. Мама не такая, она не променяет меня на деньги и богатого мужа.

Даня просто хочет досадить мне…

– Эльза, ты меня слышишь? – Алена машет перед моими глазами рукой. – Проснись и пой, подруга. Пошли с ребятами поздороваемся.

– Ален…

Но подруга будто меня не слышит. Может, виной ее хорошее настроение или громкая музыка – неважно. Она берет меня за руку и тянет к компании наших одноклассников.

Одноклассников, с которыми я либо находилась в нейтралитете, либо не общалась вовсе.

«Смотрите, пугало идет!»

«Белая ворона»

«А глаза-то как бегают, а руки-то как трясутся! Боишься, да?»

Лучше бы я не вспоминала об этом…

– Эй, ребята! – подруга машет рукой и вытягивает меня к толпе парней. – Привет-привет. Ой, Ватрушкин, какой ты пончик! Я же говорила, что ты станешь тем еще красавчиком!

– Алена? Алена Гордиенко? Ты, что ли? – на полном лице бывшего одноклассника растягивается радостная улыбка. – Привет.

И тут начинается. Как давно не виделись! Как у тебя жизнь сложилась? Где ты сейчас? Все такие радостные, веселые, а мне хочется уйти отсюда. Ощущаю точно такой же дискомфорт, как и в новом доме. Хочется вернуться обратно в квартиру, к ней я хотя бы привыкла. Полчаса назад я думала, что выбрала меньшее из двух зол. Никогда так не ошибалась.

– Ой, Белова, ты? – теперь мужчина обращает внимание на меня. – Наш маленький альбиносик.

А я помню этого Ватрушкина. Он больше всех меня гонял в начальных классах, но потом успокоился. Только осадок до сих пор остался. Обещала себе оставить позади тот пери-

од, но, ощущая любопытно-насмешливые взгляды бывших одноклассников, почему-то не выходит.

– Я не альбиносик!

Улыбаюсь, вспомнив свое прозвище. А что еще могли придумать десятилетние мальчишки про девочку с пепельными волосами, молочного оттенка кожей, голубыми глазами и полными губами?

– Ага, кому другому это рассказывай…

– Ватрушкин, сейчас получишь по морде! – вступается Аленка.

– Все-все, молчу. Ради твоего великодушия, пресвятая Аленушка, я готов на все, – подыгрывает парень, чуть ли не приклонив колени перед ней.

– Не переигрывай, я не верю.

– Я только-только поступил в театральный! – парень вздергивает брови наверх. – Дай мне шанс.

– Не дам, ты слишком много…

– Я пойду вниз потанцую, ладно? – предупреждаю Алену.

– Ага. Знаешь, Ватрушкин, ты не достоин моего…

Дальше я не слушаю. Воспользовавшись тем, что подруга отвлеклась, тихо пробираюсь вниз, к танцполу. Раз пришла сюда, нужно расслабиться. Домой возвращаться не хочу, но и находиться рядом с одноклассниками не в силах. Ненавижу, когда на меня так пристально смотрят – словно на зверушку в зоопарке. Откровенно бесит. Но я стараюсь внутренне закрыться от посторонних взглядов, не обращать внимания

на прожектора, которые иногда попадают на лицо и нещадно слепят.

Прикрываю глаза и отдаюсь во власть ритмичного бита. Он бьет по ушам, отдается в груди вместе со стуком сердца. Комфорт и успокоение накрывают меня. Я забываюсь. В голове ни единой мысли. Только движения. Только музыка. Только…

– Эй, красотка, не хочешь потанцевать? – из эйфории меня выдергивает мужской голос. Резко открываю глаза и сталкиваюсь с плывущим взглядом незнакомца. Странный он. Улыбка слишком широкая, от него исходит запах спиртного с примесью сигарет.

– Нет, спасибо, – весьма категорично отвечаю мужчине.

– А я не спрашивал. По-ошли.

– А… Что ты…

– Глухая, что ли? Пошли пота-анцуем. Покажу очень приятные движения. Тебе понравится.

– Да что ты себе…

– Руки убрал! – рычит кто-то за моей спиной.

Не хочу знать, кто это. Не хочу. Нужно избавиться от нарастающего внутри ужаса, от страха, окутывающего меня, парализующего. Рычание не особо знакомо, но подавляющая энергетика, из-за которой я теряю контроль и превращаюсь в амебу, заставляют извилины в голове работать активнее и вспомнить обладателя.

– Я не понял! Ты что, ее парнишка?

– Я сказал, отошел от нее!

– Слушай, ты же ф-футболист! – заикаясь, произносит пьяница. – Уважаю, брат! Не подведи на матче.

– Ага. Руки от девушки убери, – устало отвечает Даня в попытке отодрать мужчину от меня.

– Да понял я, понял, чужое не трогаю. Извиняюсь, милая леди, – он обращается ко мне с наигранной вежливостью. Даже не заикается. – Хорошего вечера.

Незнакомец разжимает объятья и отпускает меня в руки сводного брата. Невольно вздрагиваю, когда ощущаю, как крепкие пальцы сжимают мои плечи. Он теплый. И объятья теплые. В глубине души чувствую нарастающее облегчение. Я в безопасности.

Однако это ощущение быстро исчезает, уступая место непониманию и страху.

Поднимаю глаза на новоиспеченного братца, чтобы сказать банальное спасибо, но сталкиваюсь с яростью в серо-зеленых глазах. Сквозь полутьму замечаю, как серый цвет радужки поглощает зелёный и яркий, и тот уходит на второй план.

– Тебе мало приключений? – рычит он совсем по-звериному. – Что ты забыла в этом месте?

– Тебе какое дело? – я пытаюсь выпятить грудь и вздернуть подбородок. Он не смеет мне приказывать. Кто угодно, только не этот напыщенный и гордый индюк. Я достаточно натерпелась в доме. Хватит.

– Ты – член нашей семьи, а я не позволю какой-то приживалке испортить мою репутацию.

– Приживалке? – вскрикиваю я, кажется, громче музыки. – Я – твоя сестра, и ты ничего с этим не поделаешь! Пока я не закончу вуз и живу в вашем доме, тебе придётся меня терпеть, хочешь ты этого или нет!

Ощущаю, как злость проникает в каждую клеточку, как наполняет меня. Перед глазами лицо не сводного брата, а чудовища, не знающего человеческих эмоций.

Вся красота славного парня с полными губами испаряется в один миг…

– Если бы твоя мать не дала моему отцу, мы бы жили счастливее. Счастливее без вас…

Действую раньше, чем приходит осознание, что я только что сделала. Звонкая пощечина впечатывается в щеку Дани. Я не сразу замечаю, как краснеет его кожа, как жжёт мою ладонь. Ярость сильнее меня. В разы. Он не смеет так говорить о моей маме! Не смеет.

– Отпусти меня! – выкрикиваю, когда он хватает меня за руку и выводит из клуба. Прохладный осенний воздух бьет в лицо, заставляет зажмурить глаза. Он все равно держит меня, не отпускает.

– Подыши воздухом! И больше не приходи сюда! Я вызову такси!

– Захочу и приду, если надо будет.

– Ты. Едешь. Домой.

Машина быстро подъезжает к нам, даже минуты не проходит. Я бы хотела поспорить с ним, отстоять свою точку зрения и право жить так, как считаю нужным, но не сейчас.

Мне страшно…

Он слишком зол, неконтролируем, а я не могу видеть его наглую морду лица и эти полные губы, из которых вылетают одни гадости. Ощущение, что он готов наброситься на меня, но и мне очень хочется дать ему отпор и объяснить, как грубо он обошёлся со мной, как оскорбил мою маму.

Как он смеет так говорить о ней? Она к нему относится со всей душой, по глазам видно, что любит и пытается наладить контакт, а он … Неблагодарная скотина! Теперь понятно, почему Григорий Викторович строг с ним.

Даня стоит рядом, убеждается, что я уеду домой, а не в другой клуб. Или заботится о репутации семьи. М-да…

Перед глазами мелькают огни ночной Москвы. Пробок нет, машины давно рассосались, а их обладатели сейчас наверняка ложатся спать. И я лягу, если перестану лить слезы от обиды и несправедливости. Черт! Почему он вывел меня из себя? Я никогда не была агрессивна с другими людьми. Да, злилась, но не давала пощечин. Гад! Настоящий гад!

Что лучше: клетка с белыми стенами или клетка с клубными приставалами и недоумком-братом?

Глава 4. Наказание

– Ты понимаешь, что могла засветиться в желтой прессе?! Какой скандал был бы! Хорошо, что Данечка оказался рядом! – слышится писклявый голос Марты из комнаты белобрысой малявки.

Я уже говорил, что меня бесит это «Данечка», но Марта, видимо, не услышала меня в первую встречу. Она так резко отчитывает дочь, что самому становится не по себе, но я быстро избавляюсь от жалости к девчонке. Терпи, мелкая, ты заслужила после всего, что устроила.

– Я просто встретилась с одноклассниками. Я не виновата, что ко мне кто-то пристал.

– Значит, ты чем-то спровоцировала того пьяницу! – выкрикивает Марта. – После университета – живо домой! Только учеба и дополнительные занятия!

– Мам, я уже не маленькая, мне почти двадцать.

– Зато ведёшь себя, как малолетка без мозгов!

– Мам…

– Я все сказала!

Когда Марта выбегает из комнаты «сестренки», я прячусь за угол, чтобы меня не застукали. Не хочу быть пойманным на месте преступления. В этот момент я бы должен радоваться, что девчонка наказана и больше не станет меня бесить, но стоило услышать слабый всхлип, и дыхание перехватыва-

ет, а в груди начинает щемить.

Она не заслужила…

Ещё как заслужила! Нечего было давать мне пощечину. Наверняка вчера выпила не меньше того придурка. Притворщица. Выглядит как ангел, но внутри сидит настоящий демон, я уверен в этом. Меня не обмануть, вижу этих «ангелочков» насквозь.

Прохожу мимо ее комнаты и только после этого нормально вдыхаю терпкий воздух особняка. Спускаюсь в столовую с накрытым на три персоны завтраком. Отец сидит во главе стола, Марты ещё нет. Разве она не до конца отчитала дочурку за шалости? Хотя и она сама не лучше. Если бы она не появилась в нашей жизни, то мама…

– Доброе утро, Даниил, – низкий голос отца прерывает воспоминания.

– Доброе, пап.

Так, если он первый поздоровался, значит, у него есть какое-то дело ко мне, и это мне уже не нравится.

– Ты молодец, что спас девчонку, но зачем было размахивать репутацией нашей семьи, как флагом?

Не понял? Почему претензии ко мне? Я просто отдыхал с Мариной и друзьями, веселился, пока не увидел белое чудо и пристающего к ней мужика. Хоть бы спасибо сказала, что я увёл ее от плохой компании.

– Я не размахивал.

– Да, я понял, – отмахивается отец. – Раз ты ее защи-

тил, отвези в университет. Анатолию придется поработать со мной и Мартой, Эльзу некому возить.

– Она сама добраться не сможет? – удивленно смотрю на отца. На его лице не напрягается ни один мускул. Как всегда.

– Даниил! Делай, что я сказал! Тебе все равно по пути!

Тогда почему вы сами ее не берете? Вам тоже по пути в офис. Вопрос остается без ответа, потому что я его не задаю. Попал – так попал. И как Марина отреагирует на эту новость? Она и так не в восторге от того, что я нянчился со сводной сестрой в клубе, теперь нужно отвозить ее в университет. Надеюсь, не каждый день.

Вот тебе и доброе утречко от любящей семьи. Хорошо, что мама не видит этот позор.

Разве нашу семью можно назвать любящей? Папа хочет сделать из меня покорного слугу для своей многомиллионной винодельни, мачеха лишь поддакивает ему, а сестренка… Ладно, это отдельная история. Она просто меня бесит. Приехала вся такая невинная, притворяется милашкой с проблемами, а сама пощечины раздаёт.

После завтрака звоню Марине и предупреждаю, что сегодня вечером опоздаю на ужин к ее родителям и… жду. Малявка, как и раньше, не показывается в столовой. Видел ее пару раз на террасе, но ближе к вечеру. В руках держала какую-то папку и карандаш. Интересно, где ее сейчас носит? Может…

Почему я сразу не догадался? Она сидит на террасе с чаш-

кой какао и смотрит вдаль. Расслабленно, умиротворенно, словно это единственное место, где ей комфортно. Как она здесь что-то видит? Солнце ещё не взошло. Но не это главное. То есть мне нужно ждать, пока она насладится «красотами» нашего двора? Я так на тренировку опоздаю!

– Эй, мелкая! – выкрикиваю, появляясь внезапно. Она вздрагивает и едва не проливает на себя остатки какао.

– Ты меня напугал!

– Ага. Одевайся.

– Куда? Время только восемь, – она недоуменно оглядывается.

– Я на тренировку опаздываю. Поехали.

Она вопросительно смотрит на меня ещё несколько секунд, приподняв белые брови, затем молча поднимается с кресла и направляется в свою комнату, кинув:

– Буду через пять минут.

Пять минут. И она действительно садится в машину полностью собранная и готовая к университетским будням. Какая пунктуальная. Едем молча. Я внимательно смотрю на дорогу, она – в боковое стекло. А с ней очень удобно ездить. Не мешает, не ерзает, не отвлекает внимание, не просит сделать музыку потише. А я люблю слушать на полной громкости, чтобы ударные треков слышали все вокруг. Марине обычно не нравится, а этой девчонке как будто плевать. Она вообще выглядит отстраненной, безэмоциональной. Странная она.

Черт! Откуда здесь пробка? Я же опоздаю на тренировку!

Тренер не любит, когда мы задерживаемся непонятно где.

– Не ругайся и не бей руль, – замечает она, когда я обрушиваю кулак на кожаную баранку.

– Если бы ты опаздывала, я бы на тебя посмотрел.

– Я тоже опаздываю.

– Правда? Дома мне показалось иначе.

– Я просто не хочу идти на первую пару, – объясняет «сестренка», и мне почему-то становится интересно почему. Но какое мне дело?

– Ты не только нахалка, но ещё и прогульщица, – ухмыляюсь я.

– Я. Не. Нахалка.

Машины не двигаются на чертовом Рублево-Успенском шоссе. Пользуясь случаем, поворачиваюсь к девчонке. С виду она такая же отстраненная, как и раньше. Такое же кукольно-каменное лицо, аккуратные черты не двигаются, полные губы расслаблены, чуть приоткрыты, взгляд направлен на лобовое стекло, не глядит на меня. Но я замечаю, что ее белоснежные кулачки с силой сжимают легкую ветровку.

Почему из-за этого грудь стискивает, не позволяя до конца наполнить легкие кислородом?

– Пробка рассосалась, тебе надо ехать.

Действительно, передо мной полно свободного места. Еще немного, и сзади начнут сигналить. Кажется, я потерялся во времени, засмотрелся на эту белобрысую. Эльза, значит? Она и правда похожа на героиню из мультика, только

взгляд совсем не веселый, а наоборот – отстранённый, будто она существует в другом измерении.

Ладно, черт с ней. Лучше бы подумал, что сказать тренеру в оправдание. «У нас была пробка», – не сработает от слова совсем. Заставит бежать лишний круг или даже два. Это только на пользу: хоть проснусь нормально и выкину из головы эту девицу.

Разве она находилась в моей голове? Нет. Никогда. Но после клуба я не мог не вспоминать ее испуганные глаза, которые моментально стали яростными.

– Зачем ты вчера вмешался? – внезапно нежный и тихий голос внедряется в сознание вместе с гитарной партией. Я едва слышу вопрос, даже звук убавляю, чтобы понять, что она говорит своим эльфийским голоском – настолько тихим он кажется.

– Потому что ты позорила нашу семью.

– Как? Появившись в клубе на встрече одноклассников?

Она не кричит, не обрушивает на меня тираду. Ее взгляд всё так же прикован к лобовому стеклу, а белоснежные ладони аккуратно сложены на коленях. Не смотрит на меня, словно говорит сама с собой, но я знаю, чувствую, что вопрос адресован мне.

Какая встреча одноклассников может быть в клубе в такой поздний час? Я не видел ни одного ее знакомого, ее никто не ринулся спасать, кроме меня. Врет. Нагло врет.

– Ты была одна.

– Не одна, – парирует она.

– Ах, да, ты стояла с тем пьяный придурком. В следующий раз я не приду на помощь, если тебе так хочется. Со своими проблемами будешь разбираться сама.

– Из-за тебя меня наказали, – теперь голос звучит подавленно, что на мгновение задевает что-то в груди. Расстроенную струну гитары, на которой давно не играли. М-да, тупое сравнение. – Если бы ты ничего не сказал родителям…

– То это сделали бы папарацци, – продолжаю за ней. – Скажи спасибо, что я вмешался и избавил нашу семью от нового скандала.

В ответ она молча отворачивается к окну. Отлично! Так даже лучше. Снова включаю музыку на полную громкость и еду в центр. Остальной путь проходит в тишине. Я не собираюсь выяснять отношения, а она не спешит снова завести беседу. Ну, может, что-то и говорит, но я не слышу этого за басами. Люблю слушать музыку по дороге. Она расслабляет, не напрягает, не заставляет задуматься о своем поступке.

К университету подъезжаю через полчаса. Останавливаюсь возле главного входа и жду, когда девчонка выйдет. Надеюсь, эта напряженная езда больше никогда на меня не свалится. Пусть папа сам возит любимую падчерицу, а меня оставит в покое, иначе я сойду с ума с этой белобрысой.

– Ты не сказала спасибо, – напоминаю я, когда она открывает дверь и выскальзывает из салона.

– Лучше бы ты молчал, – кидает она и хлопает дверью.

Резко выруливаю от университета с громким визгом потертых шин и всю дорогу до стадиона не могу выкинуть ее слова из головы.

Лучше бы ты молчал…

Глава 5. Другой он

– То есть твой сводный брат сначала тебя спас, затем накричал, а теперь подвозит до университета и обратно? – спрашивает Алена, округлив темные глаза до невероятных размеров.

– Наверное, да, – отвечаю, глотнув немного какао из чашки.

Сегодня совсем нет ветра, но дождь время от времени накрывает пригород Москвы. Но мне не холодно, свет не давит на глаза, а здесь очень уютно, и подруга тоже оценила. Главное, чтобы мама не узнала, что я вожу сюда Алену, пока ее и Григория Викторовича нет дома. Я наказана, запрещено даже общение с подругой вне университетских стен.

– Обалдеть. Ну, ты и попала. Я давно говорила, что тебе пора найти работу и жить отдельно.

– Ален, кому я нужна? – устало спрашиваю подругу. – С моим «идеальным» зрением, светочувствительностью и отсутствием высшего образования, максимум, я могу рассчитывать на подработку курьером. И то не факт, что меня возьмут. Мама не позволит…

– Опять ты за свое! Всё жизнь себе портишь! Я бы давно сбежала.

Знаю, подруга, но ты не я.

Я никогда не стану тобой, никогда не смогу противосто-

ять обществу, родным, близким. Не в силах. Не выходит. Каждый раз, когда я чувствую хоть какое-то напряжение и несправедливость, тут же пытаюсь рассмотреть ситуацию с другой стороны.

Может, мама специально отправила меня учиться на юриста, чтобы у меня была подушка безопасности в будущем?

Может, мама специально наказала меня, чтобы я не влипла в неприятности снова?

Может, мне так будет лучше?

Эти вопросы я задавала много раз, но приходила к одному и тому же выводу. Так. Будет. Лучше.

Честно сказать, перемены за последний месяц меня не особо впечатлили. Складывается ощущение, что жизнь специально дает мне пинок под зад и отказывается протянуть руку помощи, даже когда я нахожусь на грани падения в пропасть. Ладно, я утрирую. Это всего лишь временные трудности, не более того.

Белые стены, наглый сводный брат, наказание…

Когда этот кошмар закончится?

Однажды я попросила у мамы разрешения пожить в старой квартире. Все-таки я взрослая, самостоятельная. Сама могу ухаживать за собой: готовить еду, покупать одежду, убираться в доме. Раньше меня это не останавливало. Зачем мне жить с ней и ее новым мужем? Но я получила категоричный ответ:

– Эльза, мы семья, а семья должна быть всегда вместе! Не нужно разрушать нашу идиллию.

– Мне некомфортно здесь. Мне слишком светло.

– Тогда попроси у Риты найти темную комнату в доме.

– Но…

– Нет! – строго чеканит мама. – Никаких переездов. К тому же эта квартира скоро отойдет Данечке, ему она нужнее.

Если идиллия – это завтраки без меня, белые стены в моей комнате при светобоязни и полное игнорирование со стороны нового «папочки», то вряд ли данное слово подходит. Спорить не стала, даже выпрашивать другую комнату не увидела смысла. Они все белые как мел и давят на глаза сильнее, чем моя, а перекрашивать стены мне запрещено. Я нашла другой выход: попросила нашу домработницу Риту найти темные шторы. Она лишь вежливо улыбнулась и к вечеру того же дня выполнила мою просьбу без лишних вопросов. Наверное, это единственный человек в доме, который меня понимает.

Через час темные шторы прикрыли белые стены комнаты. И знаете, мне стало намного легче. Белый цвет теперь не давит на глаза, а я могу спокойно находиться здесь. Жалко, что в ванной так нельзя сделать, а в гардеробной я спокойно себя ощущаю в бежевых оттенках.

Говорят, перемены всегда к лучшему, но сейчас мне кажется, что это не всегда так.

Этого «лучшего» больше никогда не будет.

– Эльза, ты опять спишь? – звонкий голос подруги вытаскивает меня из воспоминаний последних дней.

– Ты что-то говорила?

– Мне идти надо. Ватрушкин пригласил на свидание, – она мечтательно закатывает глаза.

– Ты серьезно? – приподнимаю удивленно брови. – Ты – и пончик Ватрушкин?

– А что такого? Он приятный парень, в глубине души симпатичный.

Ключевое слово: в глубине души. Но я вежливо помалкиваю. Если подруга настроилась решительно, то вряд ли ее остановят мои слова о «привлекательности» бывшего одноклассника.

Мы допиваем какао, которое принесла нам Рита, и покидаем террасу. Надеюсь, никто не увидит подругу. Рита будет молчать, другие тоже не проболтаются, потому что авторитет Риты важен для всех работающих здесь. Но главное, чтобы нас не застал…

– Добрый день, Даниил Григорьевич, – официально здоровается Рита с моим братом, когда мы подходим к прихожей.

Вот дьявол!

– Добрый, Рита, – устало произносит «братец», в то время как я молюсь всем богам, чтобы он быстро взбежал по лестнице наверх, как делает это обычно. Но…

– Этот красавчик твой сводный брат? – удивленно интересуется подруга, причем настолько удивленно, что нас пронизывает взгляд зелено-серых глаз. Черт! Вот и застукали.

Даня внимательно окидывает взглядом сначала меня, затем подругу. В отличие от меня, Алена вовсе не напряжена. Блин, я же говорила ей, что лучше не привлекать внимание моей новой семьи, а она вместо того, чтобы тихо уйти, стоит на месте и улыбается как дурочка.

– Как ты думаешь, он свободен? – тихо шепчет она мне на ушко.

Но ответа не требуется: через пару секунд в дом заходит очаровательная брюнетка с яркими полными губами и хватает за руку «братика». Облом, Ален.

– Давно я не была у тебя дома, милый. – Она отдает Рите легкое пальто, затем целует Даню в щеку. По-собственнически, словно нас с подругой не существует. Однако взгляд Дани не отрывается от нас. От меня.

Самодовольное выражение его лица не исчезает. Он словно злорадствует, что вновь поймал меня с поличным и вот-вот сдаст родителям. Гад. Ему повезло, он имеет право спокойно гулять по улицам столицы, несмотря на непогоду, радоваться жизни, заниматься любимым футболом.

– Вы долго собираетесь тут торчать? – внезапно обрушивается на нас Даня.

– Она уже уходит, не переживай.

Подталкиваю подругу к выходу, но она почти не сдвига-

ется с места. Только хорошие пинки помогают вытолкнуть Аленку из дома. Последнее, что я слышу от нее, это быстрый шепот:

– Он, конечно, красавчик, но козел тот еще.

И покидает наш дом, скрывшись за воротами особняка.

Не хочу поворачиваться лицом к Дане, который наверняка пронизывает меня своим сканирующим взглядом. Вдохнув побольше воздуха, я прохожу мимо брата и его подружки обратно на террасу. Лучше посижу немного там и дорисую портрет, который оставила, когда пришла Алена.

В спину не летят нелестные высказывания, угрозы пожаловаться родителям. Ничего из этого. Удивительно. Теперь можно выдохнуть.

Сегодня вновь нет солнца, дождь только что закончился. Я, укутавшись пледом, сижу с новой чашкой какао (спасибо Рите) и альбомом. Все курсовые готовы, домашнее задание не нужно делать, так что имею право расслабиться.

Единственное место в доме, где я могу чувствовать себя умиротворенно, где меня никто не беспокоит, не встревает, не мешает. Маме здесь холодно, Григорий Викторович почти всегда сидит в кабинете, а Даня просто не заходит.

Надо купить новый альбом. Осталось пара пустых страничек. Сегодня, может, что-то нарисую. К примеру, свою довольную подругу или новый дизайн маминого свадебного платья.

Или серо-зелёные глаза, которые периодически меняют

цвет…

Да, их цвет зависит именно от настроения и присутствия злости. Я заметила это на неделе, когда Даня подвозил меня до университета как личный водитель. Вряд ли ему понравилась эта идея, да и у меня не было выбора. Сначала мы ссорились, затем ездили молча всю неделю. И меня эти поездки раздражали, как ничто на свете.

Если мама хотела таким образом меня проконтролировать, то попытка не удалась. Даня порой задерживался на своих тренировках или же вызывал такси и сажал меня, а сам уходил по своим делам. Каким? Мне плевать. Я уже говорила, как раньше уже не будет.

Может, в ближайшем будущем что-то изменится к лучшему?

Через несколько часов заглядываю в альбом. На одном рисунке черно-белый взгляд в карандаше, а на втором – профиль за рулем. То, как он хмурится, когда нас подрезают, сжимает руль, как красивый рисунок выпуклых вен украшает мужское предплечье.

Черт!

Почему на белых листах нарисован он? Почему Даня, а не кто-то другой? Я даже не задумывалась, когда наносила штрихи! Вдруг кто-то увидит? Что тогда подумают обо мне? Или…

– Данюша, тебе просто нужно согласиться! Зачем все портить? – слышу издалека тонкий женский голос. Кажется, он

принадлежит той длинноногой брюнетке, с которой пришел мой братец.

– Я сказал – нет! Ни отец, ни ты не заставите меня подписаться на этот бред!

Черт, почему они подходят сюда? Или не подходят? Но их голоса слышны очень близко, словно они стоят в нескольких метрах от меня. Так оно и есть. Поворачиваю голову вправо и вижу, что на заднем дворе позади гаража стоит Даня вместе со своей девчонкой.

– Дань, ну что тебе стоит согласиться с отцом? – отчитывающим тоном произносит та самая брюнетка.

– То, что я не маленький мальчик! – выкрикивает Даня. Впервые слышу его голос таким дерзким, громким и наполненным яростью. – Я сделал прекрасную карьеру футболиста, иду в гору, приношу большие деньги и славу нашей стране! Меня не интересует этот гребаный бизнес! Пусть сами с ним разбираются.

– Но Даня… Ты расстраиваешь родителей.

– Марин, уходи!

– Даня, я…

– Оставь, я сказал!

Я вижу, как она пытается сделать шаг и приобнять его, но Даня тут же отходит назад. Эта игра не продолжается долго: она резко разворачивается и покидает «место происшествия». Едва слышный шум открывающихся ворот заглуша-

ет стук быстро бьющегося в груди сердца. Никогда не была сплетницей и чужие разговоры не подслушивала, но тут я невольно становлюсь свидетельницей выяснения отношений.

– Классные рисунки, – бархатистый голос, полный равнодушия, заставляет меня вздрогнуть.

Когда он успел сюда прийти? Я отвернулась всего на пару секунд, а Даня уже сидит передо мной на месте Алены с сигаретой в руках. Он выпускает дым из уст, глядя на меня так, словно впервые видит. Зачем он сидит здесь, если не выносит меня? Не хочу знать ответ на этот вопрос, мне нужно просто уйти. Просто сбежать, запереться в комнате с занавешенными стенами и в ближайшее время никого не видеть. Однако желание оказаться одной перебивает страшное понимание:

В альбоме он…

Черт!

Чувствую, как щеки наливаются краской.

– Скажи, твою мечту когда-нибудь рушили? – продолжает Дан, не дождавшись моего «спасибо». Стоит вообще сейчас что-то говорить? Наверное, да, учитывая, как выжидающе он глядит на меня.

– Нет.

– Ты все время сидишь здесь и рисуешь, но при этом учишься на юриста. Зачем тебе это?

Не знаю…

Я не особо люблю юриспруденцию, но мама сказала, что это очень перспективная профессия. Не скажу, что я скучаю на парах и терпеть не могу вуз, но и дикого восторга от обучения не получаю. Зарисовки фигур или абстракции в альбомах доставляют больше удовольствия.

– Я многогранная.

– Тогда бы ты помимо рисунков сидела с учебниками. Не думаю, что тебе нравится учеба.

Почему он делает такие выводы? Исходя из своего опыта? Он не видел меня в комнате, практически не заходит ко мне, как и я к нему. К чему эти слова? Мы совсем разные. Из разных миров, с разными интересами. Что у нас может быть общего?

– Какое тебе дело?

– Просто пытаюсь понять людей без мнения, – хмыкает он.

– У меня есть свое мнение!

– Но ты предпочитаешь следовать чужим правилам, а не гнуть свою линию.

В его словах я совсем не чувствую агрессии или злости. Они звучат как констатация факта. И, как бы я сейчас ни ненавидела его, вынуждена мысленно согласиться. Между нами впервые за все время знакомства сквозит спокойствие и умиротворение, он будто открыл часть души мне, малознакомой сводной сестре.

– К чему ты?

– Неважно.

Даня резко бросает недокуренную сигарету в пепельницу, тушит ее и покидает террасу. Почти покидает, нарушая устоявшийся баланс между нами.

– Мне жаль, что тебе приходится все это терпеть.

Мне тоже жаль…

Глава 6. Свадьба

– Милая, ну почему ты такая неуклюжая? Сколько можно? В красный чемодан нужно положить хрупкие вещи, а в белый – одежду! – вскрикивает мама, когда я пытаюсь закрыть чемодан.

– Какая разница?

– Что значит какая? Мы можем перепутать их и отправить в ресторан твое шмотье! Думаешь, гостям нужно его видеть?

О, нет! Избавьте меня от этого счастья. В этом случае я солидарна с мамой и не желаю больше спорить. Что ж, труды последнего часа летят к чертям, придется перекладывать вещи. Черт!

Эта свадьба когда-нибудь сведет меня с ума. То нужно помочь маме с выбором аксессуаров, то подобрать платье для подружек невесты, то магическим способом избавить от своего присутствия, чтобы не мешалась. В последнее время мы все отдаляемся и отдаляемся друг от друга, и чем больше времени мы проводим здесь, в этом чересчур светлом доме, тем более чужой я себя ощущаю. Меня не ждут, не спрашивают, как прошел день, не интересуются табелем успеваемости, как раньше.

Я сваливаю все на подготовку. Свадьба через неделю, сегодня мы должны улететь на Мальдивы всей семьей на частном самолете. Остается собрать вещи, закончить с пригла-

шениями и дождаться, когда Даня отыграет последний матч сезона перед каникулами. Родители спланировали все заранее, я договорилась с деканом о двухнедельном «окне», пообещав, что быстро догоню группу. Странно, что он согласился без тени сомнения, но у меня складывается ощущение, что с ним заранее побеседовала мама.

– Марта, Эльза! Вы здесь? – кричит у дверей моей комнаты Григорий Викторович, но его статную фигуру я не вижу.

– Да, Гришенька! – выкрикивает мама, и мужчина проходит к нам, в гардеробную, где я аккуратно вытаскиваю из одного чемодана коробки с хрусталем и перекладываю в другой. Строгий взгляд окидывает нас с мамой. Точнее, маму, меня лишь мельком оглядывают, не обращая почти никакого внимания. – Я бьюсь над неуклюжестью своего ребенка! В кого я ее родила…

– Успокойся, дорогая. У нас полно времени. – Мужчина обнимает со спины мою миниатюрную маму и оставляет целомудренный поцелуй на ее макушке. Впервые я вижу их такими домашними, спокойными, впервые замечаю проявление ласки со стороны Григория Дмитриевича. Обычно он очень сдержан.

Или они так же милуются за завтраком в столовой без меня?

– Ага, полно. Самолет готовят?

– Да. Игорь уже проверяет джет.

– Отлично! Это будут лучшие дни в моей жизни.

Это буду самые худшие дни в моей жизни…

Много солнца, много белого песка, много крема с защитой не менее пятидесяти и постоянное ношение солнцезащитных очков. Головная боль всех альбиносов. Я хотела сказать маме, что такой климат повлияет на меня не очень хорошо, но не хотела расстраивать ее. Она так ждала свадьбу, планировала все до мелочей самостоятельно, без помощниц, я не могу лишить ее этой радости.

Я как-нибудь переживу эти дни в закрытом помещении…

Крем на месте, две пары очков тоже, длинные туники и платья в пол, в которых не будет жарко, но которые спасут меня от палящего солнца, лежат на своих местах. Хрупкие коробки переместила в другой чемодан, теперь можно ехать. Матч у Дани скоро должен закончиться, его привезут сразу в аэропорт.

– Эльза, ты готова? – строго спрашивает мама.

– Да. Сейчас только вещи спущу.

– Ага… – и покидает комнату. Я думала, она или Григорий Викторович помогут спустить два чемодана, полтора из которых не мои, но приходится справляться самой: остальные заняты родительским багажом.

В машину мы рассаживаемся быстро, прислуга погружает чемоданы, но я не успеваю залезть в салон, потому что…

– Да! – рявкает неподалеку от меня Григорий Викторович, когда ему звонят на мобильный. – Что значит в больнице? Какая, к черту, больница? У меня самолет через час!

Внимательно вслушиваюсь в разговор, стоя перед открытой задней дверцей. Сердце замирает в ожидании последующего ответа мужчины и окончательно готово остановиться, когда он произносит, глядя на меня:

– Эльза, ты поедешь в больницу с Анатолием.

– Что? – удивленно смотрю на хмурое лицо будущего отчима.

– Даниил в больнице. Тебе нужно его проведать.

Эм… почему я? Мы не кровные родственники, не родные люди и даже не друзья. Один серьезный разговор пару недель назад ничего не изменил в наших отношениях. Если мы прекратили ссориться и мысленно ненавидеть друг друга, это не значит, что я буду лететь к своему «братику» на всех парах.

– Почему я? Думаю, ему хочется увидеть своего…

– Эльза, ты слышала, что тебе сказали? – встревает мама, из ее глаз на меня смотрит заостренная сталь. – Садись к Анатолию и езжай в больницу! Нас ждет самолет! Мы не можем отменить рейс!

Вы можете позвонить пилоту и сказать, что не полетите…

– Когда выйдете из больницы, позвони нам, мы пришлем за вами самолет.

С этими словами родители садятся в загруженную машину и отъезжают. Мы остаемся во дворе с Анатолием, который глядит на меня сочувствующе, будто понимает, что я ощущаю сейчас. Я не смотрю вслед уезжающей машине ро-

дителей, не пытаюсь анализировать такой расклад событий. Мне остается только подчиниться и поехать в больницу через московские пробки.

Как ни странно, волнение не охватывает меня по пути, слезы обиды не скатываются по щекам, а грудь не сдавливает прессом. Ведь в этом есть и нечто положительное: я проведу на солнце на один день меньше.

– Здравствуйте, – здороваюсь с медсестрой из регистратуры частной клиники, куда меня привез Анатолий. – К вам сегодня поступил Даниил Богатов. Он…

– А, наш футболист? Он на операции, вам лучше подождать.

– На какой операции? – спрашиваю, недоуменно уставившись на девушку, которая очень неохотно отрывается от телефона и глядит на меня сквозь наращенные ресницы.

– У Богатова сложный перелом ноги. Осколков много. Вы что, трансляцию не смотрели? Там повтор показывали раз десять.

– Я…

– Ой, ясно. Операция сложная, закончится нескоро, к пациенту можно будет зайти только завтра. Езжайте домой и выспитесь. С ним все будет хорошо.

Зато со мной все будет плохо…

Глава 7. Дан

Никогда не думал, что смогу так сильно напиться. До головной боли, до ломоты в костях, до тошноты. Не представляю, как я мог опуститься до этого! У меня завтра матч, нужно быть собранным и трезвым, а я…

Едва открываю глаза, преодолевая непомерную тяжесть век, и понимаю, что нахожусь не в своей комнате с темным зеркальным потолком. Справа от меня не светит солнце, окна балкона не открыты настежь, как я люблю. Белый цвет помещения ослепляет, а пикающие приборы заставляют напрячь слух. Я в больнице? Что я здесь делаю? Вряд ли напился до беспамятства.

Воспоминания важного матча отдельными картинками мелькают в голове. Вот мы выбегаем на поле, знакомимся с соперниками, затем окидываем фанатов взглядом, а на пятнадцатой минуте кто-то отнимает у меня мяч, сильно ударив по ноге. Единственное, что я помню, это дикая боль, от которой появляются огненные пятна перед глазами.

После меня поглотила темнота, из которой, казалось, я никогда не выйду…

– Милый, ты проснулся? – чересчур громко спрашивает знакомый женский голос. Пытаюсь сфокусироваться на темном пятне надо мной, получается не сразу. Первыми появляются четкие полные губы, затем обеспокоенные глаза.

– И тебе привет, Мариш, – растягиваю губы в улыбке, насколько позволяют силы. – Что со мной произошло?

– Тебя сильно ударили по ноге, сделали сложную операцию.

– Операцию? – удивленно смотрю на девушку.

Марина ничего не говорит, просто кивает головой и переводит испуганный взгляд на правую ногу. Перевожу глаза туда же и…

Кажется, я попал.

На ноге стоит какая-то железная штука. Она охватывает голень, а в кожу воткнуты какие-то иглы. Черт возьми, что со мной произошло?

– Это просто п-перелом, дорогой, – произносит Марина, чуть заикаясь.

Не могу ничего сказать в ответ. Слова застревают в горле, слабость не позволяет четко сформулировать мысль. Не позволяет осознать реальность происходящего. Если перелом настолько серьезен, что на меня надели какую-то штуку вместо гипса, то мне придется бросить футбол на полгода как минимум! Черт!

Кому я сделал больно, что судьба наказывает меня так жестоко?

– Ты все выдержишь, я верю в тебя.

– Ага.

– Я позову доктора, милый. Мне пора уходить, – она разворачивается ко мне спиной, только сейчас замечаю неболь-

шую дорожную сумку в ее руках.

– Куда?

– У меня самолет через два часа. Я улетаю в Милан на шопинг.

– На шопинг?

– Ну да. Я не могу его отменить! Прости, дорогой. Я приеду через две недели и привезу тебе много красивых футболок. Вот увидишь, они тебе понравятся. – Девушка подходит ко мне, оставляет поцелуй на лбу и покидает палату. Говорят, в лоб целуют покойников, именно им я ощущаю себя сейчас.

Мертвецом, которому суждено лежать всю жизнь…

После ухода Марины я ощущаю лишь пустоту. Даже аромат ее духов выветривается вслед за хозяйкой, остается только запах медикаментов. Он проникает внутрь меня, окончательно пробуждает своей резкостью и моей ненавистью к лекарствам. Я ненавижу больницы, ненавижу места, где тебе сообщают о неполноценности и тыкают этим в лицо.

– Доброе утро, Даниил, – в палату заходит женщина в маске и белом халате, в руках у неё планшет. – Как себя чувствуете?

– Прекрасно!

– Жаль. Сегодня я испорчу вам настроение, – улыбается женщина сквозь маску.

– Я пару месяцев не смогу играть за нашу сборную. Спасибо, утешили.

Женщина какое-то время глядит сначала в планшет, затем на меня, будто я соврал ей. Но Марина сказала, что мне сделали операцию на ноге. Учитывая больничный, восстановление, физиотерапию и ускоренную реабилитацию, я застряну в этих стенах от силы на полгода.

– Мне жаль, Даниил, но ты никогда не сможешь играть в футбол.

– Что? – спрашиваю, удивленно уставившись на врача. Если бы она стояла ближе, а у меня оказалось побольше силёнок, то я бы схватил ее за шкирку и попросил рассказать в подробностях. Силой. Чтобы не смела врать или оправдываться.

– У вас осколочный перелом голеностопа и голени. Вам придется пройти длительное восстановление и забыть о спорте. Вы можете поддерживать форму, ходить в спортзал, когда восстановитесь, но о футболе можете забыть.

Слова доктора больше похожи на приговор. Последняя надежда, за которую я держался, сгорает в адском пламени, тонет в Мертвом море.

Я мечтал о футболе с самого детства. Ходил во все секции, куда меня водила мама, был лучшим в команде. Я хотел стать тем, кем являлся до травмы, всю жизнь стремился к этому, а сейчас лишился в один миг.

Девушка бросила, от футбола я вынужден отказаться. Класс. Еще родители черт знает где. Наверное, отец сейчас зайдет и тут же начнёт говорить о том, что мне нужно воз-

главить компанию. Он не скажет ничего о травме, наймёт лучших врачей, если ещё этого не сделал, поставит на ноги и введёт в курс дела уже на следующей неделе, когда я перестану чувствовать себя овощем.

Он не станет сочувствовать мне, как мама…

– Мы введем обезболивающее, вам станет легче. Если появится сонливость – не пугайтесь. Поправляйтесь.

Не знаю, когда и кто вводит мне лекарство, но боль так и не проходит. Она связана отнюдь не с травмой, как многие могут подумать, а с эмоциональным состоянием. Хотя мне кажется, что они срослись воедино, когда врач поставила диагноз, вынесла приговор, который я буду переживать всю оставшуюся жизнь.

Двадцать пять лет я стремился к успеху, а потерял все в один день.

– Дан…

Словно издалека до меня доносится аккуратный ангельский голос. Я еще не хочу спать, пытаюсь сфокусироваться на обладательнице голоса, но мне это не нужно: я узнаю его, несмотря на то, что слышу так редко.

Эльза осторожно садится неподалеку на стул, прищуривается. Не хочу спрашивать, что она здесь забыла с сочувствием на лице. Она не смотрит на меня, не смотрит на ногу, обколотую спицами. Зачем тогда пришла? Родители послали? Наверное. Вряд ли она пришла бы по своей воле.

– Как ты себя чувствуешь? – деликатно спрашивает она,

подняв прозрачно-небесные глаза на меня.

– Мне сломали голеностоп, поставили крест на карьере футболиста, а девушка уехала на шопинг на целый месяц. Как ты думаешь, как я себя чувствую? – сквозь усталость из моих уст звучит резкость.

Черт возьми, не смотри на меня так испуганно! Я имею полное право злиться на эту чертову несправедливость! Я шел к своей мечте столько лет, а ее оборвали на одном поганом матче! Я не смогу выйти на поле! Никогда! А ты смотришь на меня снисходительно-испуганно, будто кричишь, что я это заслужил, но боишься сказать вслух!

– Мне жаль…

– Что тебе жаль? Что я лежу в больнице? Что на меня нацепили эту хрень? – показываю на аппарат на ноге. – Или что я лишился мечты? Да хватит уже щуриться! – выкрикиваю внезапно. Только кому? Ей или себе?

– Я не могу на тебя смотреть, – вздрогнув, отвечает девчонка.

– Что, настолько страшный?

– Нет, ты лежишь в белой палате и на белом постельном белье. Мне больно смотреть на белый цвет.

Почему больно? Как может быть больно смотреть на стены или на постельное белье? Ничего не понимаю. Однако мозг постепенно расслабляется, а веки начинают тяжелеть. Доктор сказала, что обезболивающее скоро подействует, и я захочу спать. В глубине души мне хочется надеяться, что эта

ситуация – плохой сон, а я проснусь завтра и выйду на поле за свою страну. Самообман никогда не помогал мне. Но может, сейчас самое время?

– *Мне правда жаль, Дан…*

Это последнее, что я слышу перед тем, как погрузиться в царство Морфея. А последнее, о чем я задумываюсь, что этот нежный голосок, полный сожаления и боли, впервые зовет меня Даном.

Как я когда-то попросил…

Глава 8. Откровение

Он красивый, когда спит. Всегда был красивым, надо признать, каким бы непереносимым ни был и как бы я ни ненавидела мир, который окружает нас, ни проклинала судьбу, которая заставила меня прийти сюда и слушать размеренные пиканья приборов. Вру. Не судьба дала пинок и приказала приехать в частную клинику, а родители.

Мама позвонила с Мальдив на следующий день и попросила приглядеть за «братиком». Почему не прилетели сами? Не знаю. Мама что-то упомянула о плохой погоде и постоянных дождях. Они даже свадьбу хотят отложить. Странно, если честно. Гугл сказал, что на Мальдивах никаких аномальных осадков нет, весь день светит солнце, а волны спокойно омывают побережье.

Белые стены ослепляют. Еще немного, и я достану из рюкзака солнцезащитные очки – настолько сильно белый давит на глаза. Лицо Дани остается таким же спокойным и невозмутимым, но стоит ему проснуться, на смену спокойствию придёт боль. Боль, которую ничем не утолить.

Помню, как подошла к медсестре на следующий день после первого посещения и задала один вопрос:

– Он поправится?

– Скорее всего, да, но выйти на поле больше не сможет.

Это приговор. Вердикт, который ничто не сможет изме-

нить, даже если я пойду в церковь и буду стоять на коленях ночами. Знакомое чувство разочарования и обиды накрыло меня в тот день. Я даже не злилась на резкость братика. Забыла все недопонимания, ссоры, угрозы, оскорбления. Мне было искренне жаль его.

Потому что я знаю, каково это – расстаться с мечтой всей жизни…

Зарисовки получаются очень милыми. Аленка сказала, что мои скетчи пора выставлять на выставке, но я все время отказываюсь. Кому я нужна со своими карандашными набросками?

– Д-доброе утро, – хрипловато-сонным голосом произносит Даня, приоткрывая глаза. – Который час?

– Уже три. Ты проспал больше суток, – улыбаюсь я.

Вчера я приехала рано утром после операции. Толя быстро довез меня, напоследок взглянул с жалостью через зеркало заднего вида. Я уже говорила, что он понимает меня, как никто другой. Сегодня мы договорились выехать позже, и правильно сделали. Я просидела около часа в палате в ожидании, когда Дан проснется.

– Почему ты здесь? Где родители?

– Они на Мальдивах. Вылететь не могут из-за плохих погодных условий.

– Плохие погодные условия? На Мальдивах? – усмехается он, закатив глаза. – А я уж думал, папа захочет приехать и прочитать нотацию. Свадьба для него важнее.

– Не вини их, они правда не могут.

– Просто ты плохо разбираешься в людях. Мероприятие на сто человек, приедут влиятельные инвесторы. Такое нельзя отменять.

Сомневаюсь в его словах, но вслух ничего не говорю. Родители не такие жестокие, чтобы бросить своих детей на произвол судьбы, когда у кого-то из них такая беда. Они так не поступят.

– У тебя телефон с собой? – внезапно спрашивает Даня.

– Ну да.

– Дашь на пять минут?

Не совсем понимаю, для чего ему телефон, но все же отдаю гаджет брату. Даня несколько минут что-то ищет, затем разворачивает экран и показывает мне.

– Смотри.

На фотографии наши родители. Мама в свадебном платье, которое выбрала не так давно, и Григорий Викторович в смокинге. Они счастливо улыбаются на камеру. Точнее, улыбается мама, а Григорий Викторович лишь слегка растягивает уголки губ. Позади них лазурное море, под ногами – белый песок, видно кое-кого из гостей.

«Не верю!», – первое, что возникает в голове. Однако против фактов не попрёшь, и Станиславский заведомо проигрывает в этой борьбе. Верю. Моя мама и отчим, которые хотели отложить свадьбу из-за травмы Дани и не смогли вылететь в Москву, когда он попал в больницу.

Они не смогли остаться, когда нам сообщили страшную новость…

Когда мир перед глазами рушится постепенно, ты морально готов принять это. Тебе посылают информацию определенными кусками, фрагментами, проблемы решаются по мере их поступления. Но когда с глаз резко срывают розовые очки и разбивают их о мокрый после проливного осеннего дождя асфальт, ты теряешься. Внезапность, неизвестность и неготовность принять мир таким, каким он является, очень пугает.

Меня пугает.

– Они не просто так оставили тебя, – тихо начинает Даня. – Ты была лишней на их празднике.

– А ты?

– А я неудачно сыграл матч, – горько усмехается он.

Мне больно смотреть на него – уязвимого и раненного. На грусть в болотно-серых глазах, на ногу, прикрытую одеялом. Знаю, что там стоит железная штука, фиксирующая кости. Он не заслужил такой участи, как бы я ни относилась к его существованию. Никто не заслужил.

– Вы выиграли, Дан.

Вчера впервые ввела в поиске запрос о футболе. Никогда не интересовалась им, пока не узнала, что «братик» в больнице.

– Можешь не поздравлять, я проиграл. Мы оба проиграли.

Он прав. Он снова прав.

Стараюсь не спрашивать себя, почему родители поступили так жестоко по отношению к нам, не пытаюсь анализировать, защитить, оправдать. Если Григория Викторовича я знаю чуть больше месяца, то маму – всю жизнь. За что?

– Знаешь, о чем я думал на матче? О радости, если на трибунах увижу отца, – внезапно говорит Даня, взглянув на меня магическими глазами. Сейчас они не кажутся размытым пятном, я представляю, что они больше зеленые, нежели серые. Он не злится, не свирепеет, не желает избавиться от меня. Почему? Трудный вопрос. – Он никогда не поддерживал меня, не приходил ни на один матч, в отличие от мамы.

– Где твоя мама?

Внезапно между нами повисает тишина. Не понимаю, почему она возникает. Дан просто не отвечает, а я не смею прервать его мысли: он думает, как ответить. Мне трудно смотреть на белые стены и белое постельное белье, трудно подсаживаться к кровати, когда он жестом просит подвинуться ближе. Но я выдерживаю давление на глаза, когда всматриваюсь в его. Внимательнее, чем раньше. Вижу их лучше, четче, но не настолько, чтобы полностью уловить тоску в промокшей зелени его взгляда.

– На Троекуровском кладбище. Уже шесть лет.

– Сочувствую.

Не это я хотела услышать, но была готова к такому повороту событий.

– Она ходила почти на все соревнования и матчи, была на

каждой тренировке. Она всегда говорила, что у меня талант.

Снова ловлю себя на том, что пялюсь на его улыбку. Она не насмешливая или гадкая, вовсе нет. Скорее милая, мечтательная. Сейчас Даня превращается в мальчишку лет пятнадцати, который наслаждался жизнью и не знал, что такое боль утраты. Я бы хотела посмотреть, каким он был тогда. Наверное, счастливым.

– Теперь мою мечту отняли.

– Понимаю, – грустно вздыхаю, вспоминая свое разочарование в судьбе с горечью в груди. – В шестнадцать я хотела стать архитектором. Готовилась к экзаменам, прочитала кучу литературы, но я не прошла офтальмолога.

– Ты плохо видишь? – он удивленно вскидывает темные брови.

– Все альбиносы видят плохо, и я не исключение. Мама отвезла меня в Германию на операцию, но поправили только нистагм. Я стала видеть чуть лучше, но этого недостаточно для работы.

До сих пор вспоминаю тот отказ. Отказ, разрушавший мою жизнь. Я могла попросить маму подделать справку, прописать хорошие очки, но этого было недостаточно. Люди заметили бы ошибки в проектах.

– Не знал, что у тебя все настолько плохо. Альбиносы мило выглядят.

– Раньше ты считал иначе.

– Раньше я ненавидел тебя.

– А сейчас?

Мне почему-то хочется спрятаться от внимательных болотных глаз. От магнетических теплых лучей, которыми они согревают мое лицо. Сначала глаза, затем скулы, губы. Невольно закусываю верхнюю, улавливаю его усмешку. Даня не спешит с ответом, а я не хочу разрывать возникшую между нами гармонию.

Наверное, это называется иначе, но я не ищу название. Оно само придет со временем.

Внезапно открывается дверь, и врывается медсестра с маской на лице. Не могу точно разглядеть возраст, но вижу, как она улыбается глазами, оглядывая нас.

– Добрый день, Даниил. Нужно обработать спицы. Готовьте ногу.

– Я пойду, – выпаливаю быстро, не дожидаясь, пока снимут одеяло с поврежденной ноги, поднимаюсь с места и…

– Приходи завтра.

Нет, я не ухожу, хотя очень хочу. Оборачиваюсь и сталкиваюсь с чистой зеленью в мужских глазах. Он смотрит с надеждой, без наигранности и желания сделать гадость.

– Хорошо.

Почему мое сердце бьется быстрее? Почему нежный взгляд Дана проникает глубже в мою душу, чем я хочу? И почему он не отпускает меня? Столько вопросов, но я не нахожу других ответов, кроме одного. Мы оказались в одной лодке и нуждаемся друг в друге. Как знакомые. Как люди,

которым не все равно. Как… брат с сестрой.

Наши родители слишком эгоистичны. Мы остались оба у разбитого корыта. Но Дане нужна поддержка больше, чем мне, – с разбившимися розовыми очками. Он не будет чувствовать себя одиноким.

И я не буду.

Я просто киваю в ответ, и хочу развернуться, но меня снова останавливает бархатный, чуть уставший голос.

– Эльза?

– М?

– Почаще зови меня Даном.

Я и так называю, просто ты не замечаешь…

Глава 9. Перемены

– Что нарисовала на этот раз? – устало докапываюсь до девчонки. Сидит уже час и никак не может показать, что у нее выходит. А мне интересно, между прочим.

Эльза поднимает прозрачно-голубые глаза из-за альбома, который сложила на согнутые в коленях ноги, сидя на подоконнике. Как она сказала, ей лучше сидится у окна, когда на улице пасмурно и свет не бьет в глаза, нежели на стуле, глядя на абсолютно белые стены палаты и постельное белье. Хоть я и попросил медсестер найти темное белье, стены перекрасить не могу.

– Еще рано, подожди пару минут, – отвечает она с улыбкой на белоснежном лице.

– Эти «пара минут» были пару минут назад!

– Почему ты такой нетерпеливый? Осталось совсем чуть-чуть.

Если бы у меня была возможность, я бы резко встал с кровати и отнял бы этот проклятый альбом. Но она хитрая, устроилась подальше, да еще и на подоконнике, а моя травма не позволяет делать резкие движения. Пока что.

Доктор обрадовала меня новостью. Я смогу ходить и вести полноценный образ жизни. Всего несколько месяцев реабилитации, и я стану как огурчик. Но меня это не особо обрадовало. На поле я все равно не смогу выйти, как и не смо-

гу повернуть время вспять, чтобы увернуться от противника. Ничего не вернуть, случилось то, что случилось. Я пытаюсь смириться со своей судьбой и, лежа один в палате, пытаюсь понять, почему судьба поступила так жестоко. Я спрашивал «почему?». Но одна только постановка вопроса не решит проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.